

Преемники Бенкендорфа и Дубельта оказались не в состоянии удержать работу переданного им управленческого механизма на должной высоте. Государственная безопасность капитулировала перед безответственностью и некомпетентностью.

Примечания

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. : Т. 1. СПб., 2000. С. 148.
2. *Строев В. Н.* Столетие Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1912. С. 17–18.
3. Некоторые такие дела см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Вып. 1–16. СПб., 1876–1917.
4. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 139.
5. См.: Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827–1869. М., 2006.
6. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 139.
7. Там же. С. 139.
8. *Гоголь Н. В.* «Ревизор». Явление последнее // Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1985. С. 89.
9. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1902. С. 18.
10. При чем информация в этом досье была сугубо служебная (повышения, награждения, переводы, взыскания) и не содержала никакой принципиально компрометирующей информации или сведений, составляющих личную тайну служащих.

ЗУЛЯР Ю. А.

СОВЕТСКАЯ ОХОТНИЧЬЕ-ПРОМЫСЛОВАЯ ПОЛИТИКА В БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В ДОКОЛЛЕКТИВИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Современный мировой социально-экономический кризис наглядно продемонстрировал неспособность экономической науки, менеджмента и государственных структур обеспечить бескризисное развитие глобализированного хозяйственного механизма. В центр борьбы с кризисными явлениями правительства развитых стран поставили задачу сохранения рабочих мест. Для достижения этой цели предпринимаются отчаянные усилия и используются различные схемы и механизмы. Это справедливо и для нашей страны, где политическое руководство и бизнес, не имеющие

достаточного опыта антикризисного менеджмента, ищут технологии, способные эффективно работать в условиях развивающейся страны, население которой обременено завышенными претензиями к уровню вознаграждения за свой труд. С похожей ситуацией руководство страны и территорий уже сталкивалось в 1920-х гг., после революции и гражданской войны. Не исключено, что опыт того периода окажется полезным.

Советская промысловая политика началась со времени принятия Декрета о земле (26 окт. 1917 г.), отменившего частную собственность на землю. Все охотничьи и рыболовные угодья стали государственным достоянием. В Сибири в 1917 г. за счет увеличения числа охотников, вернувшихся с войны, промысел незначительно оживился. Но уже в 1918 г. положение изменилось. Гражданская война и разруха коснулись самых отдаленных уголков региона. В связи с изъятием у местного населения всего огнестрельного оружия и боеприпасов, добыча пушнины в 1918–1919 гг. практически свелась к нулю.

После окончания Гражданской войны начался расцвет колонкового и горностаевого промысла. Нередко охотники добывали за сезон по 30–40 колонков и горностаев на одного человека и лишь по 1 соболю на 15–20 человек. Вместе с тем добыча белки, колонка и горностаевого не давала столь высокого экономического эффекта, как промысел соболя в период его высокой численности. Развивая и совершенствуя охотничье хозяйство, местное население занималось и другими лесными промыслами: сбором кедровых орехов, мараловодством, пчеловодством и рыболовством¹. Предоставленное само себе промысловое хозяйство региона основывалось на комплексном использовании продукции побочного пользования. Именно в то время существовало разделение и закрепление охотничьих и кедровых территорий за их постоянными пользователями.

Национализация земли и других природных богатств, Декрет о лесах, введение государственной монополии по сбору пушного сырья, национализация внешней торговли создали первые и основные экономические предпосылки перестройки охотничьего хозяйства на советскую модель развития. В 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР о сроках охоты и праве на охотничье оружие. Не разрешалась торговля свежубитой дичью до 1 августа. Этим декретом повсеместно запрещалась любая охота в весенне-летнее время, кроме научной.

Для управления предприятиями меховой промышленности при ВСНХ в 1919 г. было организовано главное меховое управление (Главмех), а на местах в составе губсовнархозов созданы специализированные секции и губмехи. Управлению предоставлялось право привлекать к работе по сбору пушнины кооперативные организации (Центросоюз)².

В 1920 г. был принят «Декрет об охоте». Он возложил управление, регулирование и ведение охотничьего хозяйства, а также работы по воспроизводству и охране животных на Наркозем. При нем было организовано Центральное управление по делам охоты (Центрохота) с системой местных отделов (Губохоты). Надзор за соблюдением правил охоты возлагался на всех граждан и охотничьи организации, а также на милицию и местные органы³.

В Байкальском регионе после прихода сюда Красной армии началось создание местной советской системы управления охотничьим и рыболовным промыслами. Лесной подотдел Иркутского губернского земельного отдела (губзо) разработал и летом 1920 г. разослал на места проект Устава артели промысловой охоты в Иркутской губернии. Была утверждена форма охотничьих билетов, промысловых свидетельств и сроки охоты. Стоимость охотбилета на трудовую артель составляла 90 руб., на промысловую – 450 руб. В ноябре 1920 г. в подотделе создано отделение охоты⁴.

Большую роль в становлении охотничьего хозяйства сыграли съезды Российского союза охотников. Первый, представлявший свыше 30 губернских союзов, проходил в июне-июле 1920 г. в Петрограде. Съезд принял Устав и ряд резолюций, в которых предусматривалось: объединение всех охотников в один Всероссийский профессионально-производственный союз; скорейшее издание охотничьего закона; тщательный учет дичи и соответствие добычи имеющимся ее запасам; снабжение охотников огнестрельным оружием и припасами и др.⁵

Власти в регионе на самом высоком уровне формировали программу действий по восстановлению промыслов. Иркутский губернский съезд советов (январь 1921 г.) в принятой им резолюции по сельскому и лесному хозяйству предусмотрел меры по скорейшему развитию охотничьего хозяйства региона⁶.

Реально говорить о возрождении охотничьего промысла в регионе можно с начала проведения НЭП. Для получения средств на восстановление народного хозяйства к заготовке пушнины бы-

ли привлечены разнообразные заготовительные организации. Возникла необходимость координации их деятельности.

В сентябре 1921 г. заготовка пушнины была возложена на Наркомпрод, ВСНХ и Наркомат внешней торговли. Наркомзем и представители этих ведомств создали «Бюро по заготовке пушнины», в задачу которого входила разработка планов заготовки пушнины по количеству и сортам, порядка закупки и товарообмена, определение цен и эквивалентов. Было определено, что пушнина заготавливается основными ведомствами на местах через Всероссийский союз охотников, Центросоюз и его местные органы, через специальные кооперативы, артели, товарищества, др. организации и частных лиц, на основании специальных договоров. Благодаря этим мероприятиям закупка пушнины государством резко возросла и уже в сезон 1922/23 г. достигла довоенного уровня⁷.

Продолжала совершенствоваться правовая база охоты. Президиум ВЦИК РСФСР 24 августа 1922 г. принял «Правила охоты». В них подчеркивалось, что все дикие звери и птицы являются достоянием республики. Указывались формы эксплуатации охотничьих угодий. Констатировалось значение охотничьей промышленности как одной из важнейших отраслей государства.

ВЦИК и Совнарком РСФСР 1 марта 1923 г. издали новое постановление «О праве охоты», которое дополняло «Декрет об охоте» 1920 г. В охотничье-промысловых районах страны отменялось возрастное ограничение охотников, население освобождалось от необходимости получать удостоверения на право охоты. Одновременно было принято постановление «Об охотничьем сборе», по которому каждый охотник (кроме промысловиков) за право производить охоту облагался государственным сбором в размере 5 руб. (в ценах 1923 г.) за полугодие; на местные нужды допускалась надбавка не выше 50 %⁸.

Советское правительство определилось с приемлемой для себя формой организации промысловиков. 7 июля 1921 г. был опубликован декрет ВЦИК и СНК «О промысловой кооперации», в соответствии с которым разрешалось образовывать промысловые товарищества или артели.

Промкооперация оказалась в благоприятной среде. Розничная торговля ресурсами и материалами обеспечивала их законное приобретение. Рынок позволял организовать законный сбыт продуктов промысла. Финансы страны укрепились и стимулировали

денежный оборот и торговлю. Налоговая система поддерживала самоуправление кооперативов и помогала им встать на ноги, укрепиться и заработать. Банковская система предоставляла кредиты на твердой основе. К концу 1923 г. новый механизм промкооперации был создан⁹.

Совершенствовалась и система управления промкооперацией. В феврале 1924 г. Всероссийский производственный союз охотников на IV съезде был преобразован в Промышленно-кооперативный союз охотников (Всеохотсоюз)¹⁰. Съезд охотников принял решение о переходе на кооперативные формы строительства, об укреплении руководства системой, о дальнейшем кооперировании охотников, совершенствовании организационных форм производственной деятельности низовых коллективов и товариществ. Съезд принял решение о приписке охотничьих угодий низовым коллективам и товариществам.

Эти мероприятия стимулировали кооперирование промысловиков. Если в 1924 г. в стране действовало 2,7 тыс. промысловых кооперативов, объединявших 123 тыс. чел., то в 1925 г. – 5 тыс. кооперативов и 244 тыс. членов. Такой быстрый рост говорил об их популярности среди промышленного населения. В 1928–1929 гг. товарооборот промкооперации СССР превысил 4,5 млрд руб.¹¹

Эти решения имели непосредственное отношение к Байкальской Сибири. Здесь в середине 1920-х гг. охота имела преимущественное значение для горно-лесных и таежных районов, примыкающих к Байкалу, для Саян и Южной горно-лесной области по границе с Монголией. Лучшими охотниками считались эвенки, тофалары и сойоты, охотой занимались многие русские и буряты.

Организация охотничьего хозяйства в Забайкалье происходила с запозданием от предбайкальской части региона, что объясняется более поздним установлением здесь власти Москвы. В 1925 г. в БМАССР утвердили первые «Правила охоты». В 1926 г. введена пошлина за право охоты и охотбилеты единого образца. Созданы первые общества охотников, формировалась система управления охотничьим хозяйством. Но и в 1926 г. не было специального надзора за охотниками. Лесная стража и милиция занимались своими непосредственными обязанностями, соблюдение правил охоты никто не контролировал¹².

Удачная конъюнктура охотопромыслового рынка обусловила увеличение числа охотников. В середине 1920-х гг. в СССР их на-

считывалось более 2 млн чел., в т. ч. 250 тыс. охотников-промысловиков, 1 250 тыс. полупромысловиков и 500 тыс. охотников-любителей.

В Байкальском регионе значительная часть населения участвовала в охотопромысле. В Иркутской губернии в 1924 г. в системе Всекохотсоюза состояло 9 597 крестьян-охотников. Агентов Сибгосторга насчитывалось 16 445 чел. По мнению экономиста А. Вейсбрейта (1925 г.), охотников было значительно больше. Он подчеркивал, что в губернии были районы, заселенные преимущественно «туземцами», жившими за счет пушного промысла.

В Баргузинском районе БМАССР в 1925 г. экономист Забелин насчитывал 2 250 охотников. Из них – 500 профессионалов, 1 730 полупромышленников и 50 любителей. В республике в 1926 г. охотой как единственным занятием занимались «бродячие тунгусы (орочены)» и сойоты. Для значительной части русских и бурят охотопромысел в отдельных случаях превалировал над земледелием и скотоводством. Охотников насчитывалось не менее 17 тыс. человек¹³.

Рост числа охотников-промысловиков продолжался до начала коллективизации. В Иркутском промыслово-кооперативном союзе (Ирохотсоюз, пред. Н. А. Зубков) на 1 октября 1927 г. состояло 10 328, а на 1 октября 1928 г. – 14 483 чел. В Бурят-Монголии в 1928 г. было 12 500 охотников. Охота была в основном развита в северных районах¹⁴.

Такое количество охотников привело к резкому сокращению размеров индивидуальной добычи, добыча белки на одного охотника сократилась в 10 раз. Охотники выезжали на промысел в Иркутскую и Амурскую губернии, но обычно без особого успеха. Грандиозные лесные пожары 1910–1926 гг. сократили площадь охотугодий¹⁵. Промысловые участки были переполнены охотниками, собиравшимися в особенно богатых угодьях, в результате чего они уничтожали всю живность, пытаясь опередить конкурентов.

В начале 1920-х гг. на пушной рынок проникли организации, не имевшие к охоте прямого отношения, что способствовало повышению закупочных цен и снижению государственных заготовок. В 1922–1923 гг. в Иркутской губернии заготовками занимались до 40 организаций («Сибсвеча», «Госмолоко», «Ленинградский союз прачек», «Общество “Крымское виноделие”» и др.).

В связи с этим Наркомвнуторг в 1924 г. принял меры по упорядочению пушных операций. Право повсеместных заготовок было предоставлено «Госторгу», «Всекохотсоюзу», «Центросоюзу», «Сельскохозяйственному обществу» (РАСО). Фактически заготовкой пушнины в Забайкалье в середине 1920-х гг. занимались (в порядке убывания): «Дальгосторг» (30 %), «Буркоопсоюз», РАСО (Верхне-Удинское и Баргузинское отд.), «Охотсоюз», «Сибторг», «Бурторг», «Сырь», «Сельхозсоюз», «Кожсиндикат».

В регионе, как и в целом по стране, было произведено районирование, определена структура заготовительного аппарата. Местное пушное совещание при Ирокртторготделе (21.08.1928 г.) провело районирование округа с целью устранения конкуренции между заготовителями. Однако его решения были опротестованы Ирсоюзом и Ирсельсоюзом перед Сибкрайторготделом. Протест не был принят, и состоявшееся (6.10.1928 г.) Иркутское экспортное совещание предложило протестовавшим союзам прекратить финансирование низовых кооперативов, расположенных в районах влияния других структур.

Методы работы заготовителей были разными, нередко они были аналогичны дореволюционным. В 1929 г. в Бодайбинском районе заготовители из Бурят-Монголии и Якутии спаивали коренное население перед заготовкой пушнины, сроки охоты не соблюдались, а система кредитования применялась еще царская – закабаляющая. Ситуацию не удавалось нормализовать, поэтому Иркутский ОИК 30 октября 1930 г. обратился за помощью в Москву в Комитет Севера. Одновременно Бодайбинскому РИК было дано указание поддерживать деятельность «Сибторга» и препятствовать работе других заготовителей и факторий («Эбянки», «Саха», «Нерчинский», «Зультульзо» и др.)¹⁶.

Большую роль в урегулировании и устройстве промысла сыграло введение в 1925 г. единых стандартов на пушно-меховое сырье. Они позволили установить единую оценку пушнины, что способствовало улучшению ее качества. Увеличение спроса на меховые изделия внутри страны, благоприятная конъюнктура внешнего рынка повышали закупочные цены и рост государственных доходов. Правильное построение заготовительных цен на пушнину создало в конце 1920-х гг. оптимальное соотношение в товарно-денежных расчетах между охотником-промысловиком, заготовительной организацией и государством.

В середине 1920-х гг. объем заготовок пушнины значительно превысил довоенный уровень (1914 г.) и достиг в заготовительных ценах 50–60 млн руб. Наряду с ростом заготовки шкурок ценных пушных зверей отмечался перепромысел некоторых из них (соболь, куница, норка, сурок), что в дальнейшем вызвало сокращение их численности, ареала распространения и, как результат, уменьшение добычи.

Рост добычи ценного охотничьего сырья наблюдался и в регионе. В пределах Иркутской губернии заготовка пушнины в пересчете на беличьи единицы зимой 1923/24 гг. составила 2,7 млн шкурок. Из них – 1 млн в Киренском, 500 тыс. в Илимском, по 300 тыс. в Братском и Нижнеудинском, 200 тыс. в Зиминском и 100 тыс. в Тулунском районе. В Бурят-Монголии зимой 1924/25 гг. было заготовлено 1 022 шкурок соболя, 208 096 шт. белки, 11 592 шкурок др. зверей. Зимой 1925/26 гг. – 632, 293 010 и 72 026 соответственно¹⁷.

Рост заготовок пушнины позволил СССР восстановить пушной экспорт. В 1921 г. были проданы первые партии мехов на сумму 16 млн золотых руб. В последующие годы экспорт неуклонно возрастал. Во внешней торговле пушнина занимала одно из трех первых мест, уступая экспорту пшеницы и в отдельные годы нефтепродуктов. В экспорте ее удельный вес составлял 9–12 %.

Значительное количество пушнины поступало из Байкальской Сибири. С апреля 1928 г. руководство экспортом из Иркутского округа было возложено на особое постоянное Экспортное совещание при окрисполкоме. Иркутский ОИК 22 июня 1928 г. определил его статус как коллегиального органа. В него входили представители окрплана, окрторготдела, окрзу, Ирсоюза, Ирохотсоюза и др. Окрисполком обязал все предприятия и организации, эксплуатирующие промысловые биоресурсы и имевшие экспортный интерес, передавать информацию в Совещание. К началу 1930-х гг. Экспортные советы возглавлялись председателями РИК и ОИК.

Округ экспортировал 25 видов животного сырья, занимая по пушнине 5-е место в Сибирском крае. В округе ежегодно в среднем заготавливалось пушнины в беличьем эквиваленте 400 тыс. шт. и еще 500 тыс. доставлялось из соседних территорий. На экспорт отправлялось до 90 % заготовленной пушнины¹⁸. Заинтересованность руководства страны в пушно-дичном экспорте способствовало бурному развитию охотничьего промысла в регионе (табл. 1).

Таблица 1

Показатели заготовки охотничьей продукции в Иркутском округе¹⁹

	1926/27 гг.	1927/28 гг.
Пушнина в беличьем эквиваленте (в тыс. шт.)	360	530
Рога марала (в кг)	200	293
Рога оленя (в т)	2	2,5
Струя кабарги (шт.)	350	365
Дичь (в парах)	Не было	5 000
Нерпичий жир (в т)	Не было	5,9

В 1928 г. Ирохотсоюз начал подготовку к экспорту живых птиц 30 видов для зверинцев зарубежья. Как дичь на экспорт шли глухари, косачи, тетерева, куропатки и голуби. В 1927/28 гг. было заготовлено 5 тыс. пар., в 1928/29 г. – 45 тыс. пар. Заготавливалось до 3 т рогов диких животных (лось, кабарга, косуля), струи кабарги – по 400–700 мешочков в год, нерпичьего жира по 20–30 т в год. Шкурки змей и ящериц экспортировали в Париж и Вену. Основными заготовительными районами Иркутского округа являлись Прибайкалье (50 %), Приленье и Приангарье. В среднем в 1926–1928 гг. белок заготавливалось 250 тыс. шт., нерпы – 5 тыс. шт., соболя – 800 шт., медведя – 150. Заготовками в округе занимались Сибкрайгосторг, Ирохотсоюз, Ирсельсоюз и Ирсоюз.

Рост заготовок пушнины и кожсырья, используемых для экспорта, происходил и в 1929 г. В Иркутском округе заготавливалась пушнина 20 зверей. По подсчетам Н. К. Десницкого (1929 г.), в округе в пересчете на белку заготавливалось в 1926/27 гг. – 420 тыс. шт. (100 %), в 1927/28 гг. – 530 тыс. шт. (127 %), в 1928/29 гг. – 640 тыс. шт. (152 %) ²⁰. Вместе с тем усиливалось обложение частного капитала, занимавшегося заготовкой экспортной продукции.

На восточном берегу Байкала также увеличивалось количество охотников, и росла заготовка пушнины (табл. 2).

В 1930 г. в Кабанском районе, по оценке А. Нарущкого, районным товариществом охотников было добыто 16 054 шкурки 17 видов животных. В том числе соболя 28 шт., белки – 12 768, горноста – 55, лисицы – 26 шт.

Нарастив экспорт пушнины, правительство постоянно увеличивало задания по ее закупке в регионе. Планы перестали соответствовать возможностям промысловиков и природным ресурсам. Поэтому сибирские власти продлевали охотничьи сезоны, увеличивая нагрузку на популяции пушных зверей и птиц.

Таблица 2

Показатели деятельности Кабанского товарищества охотников²¹

	1925	1926	1927	1928	1929
Продано оружия и припасов, руб.	1 317	6 586	7 886	н/д	н/д
Заготовлено пушнины на сумму	2 147	8 462	11 646	24 850	33 957
Количество членов товарищества	478	664	769	812	1 315

Сибирский КИК 25 июля 1930 г. разрешил осеннюю охоту на водоплавающую болотную и боровую птицу с 1 августа. Межведомственное совещание (27.05.30 г.) при Ирохоте (Гагин, Тумольский, Власов, Рычков, Парчагин, Крикунов и Баталин) высказалось против решения крайисполкома. Собравшиеся исходили из того, что ввиду климатических условий гнездование птиц в Прибайкалье заканчивается позже, чем в Западной Сибири, поэтому выводки боровой и водоплавающей птицы до 1 августа не успевают достичь надлежащего развития и являются беспомощными. Несмотря на решение совещания, Иркутский ОИК (29.07.1930 г.) продублировал разрешение крайисполкома²².

Период свободного промысла и процветание промысловых кооперативов были недолгими. На рубеже 1920–1930-х гг. хозяйственный механизм принципиально изменился. В деревне началась коллективизация. Коренная трансформация советского строя затронула и охотничий промысел. ВЦИК и СНК РСФСР 10 февраля 1930 г. отменили Декрет об охоте и утвердили «Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР». Тем самым власть с промысловика переориентировалась на охотничьи коллективы. В положении дано определение «охотничьему хозяйству» как системе мероприятий, обеспечивающих правильную эксплуатацию государственного охотничьего фонда. Обл(край, респ.)исполкомам предоставлялось право устанавливать правила, сроки и способы производства охоты, список зверей, промысел которых запрещался на основании общих правил. Все промысловики, кроме туземных охотничьих племен, должны были иметь охотничьи билеты²³.

Анализ процессов, происходивших в охотничьем промысле Байкальской Сибири в 1917–1930 гг., показывает развитие процессов от стихийных до упорядоченных и организованных. Охотничий промысел в регионе стал активно развиваться в результате внимания и поддержки государственными органами и местными структурами всех его разрешенных форм. В результате этой работы постоянно увеличивалось количество охотников и объемы до-

бываемой ими продукции. Благодаря этому снизилось количество безработных в регионе, выросли доходы населения, и пополнился бюджет государства, в том числе за счет участия в международной торговле. В рассматриваемый период происходило расширение ассортимента добываемой охотниками продукции, что позволило более эффективно использовать биологические ресурсы региона.

Примечания

1. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах. М., 1966. С. 17,18.
2. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 16,17.
3. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 8.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 460. Л. 121,131.
5. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 8.
6. ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 612. Л. 47.
7. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 18.
8. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 9.
9. Аргументы и факты. 1988. № 47. С. 24.
10. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 18.
11. Аргументы и факты. 1988. № 47. С. 24.
12. Жизнь Бурятии. 1926. № 7-9. С. 46; *Миротворцев К. Н.* К вопросу о районировании Сибири // Очерки по земледению Восточной Сибири. Иркутск, 1924. С. 25; *Носков В. Т.* Перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития, М., 2000. С. 289.
13. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 62. Л. 5. Охотничье хозяйство СССР. С. 19; Жизнь Бурятии. 1925. № 3-4. С. 54-60; 1926. № 7-9. С. 44-46.
14. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 210. Л. 75-81; Советская Сибирская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 414.
15. Жизнь Бурятии. 1926. № 7-9. С. 44-46.
16. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 213. Л. 392; Д. 218. Л. 1; Д. 362. Л. 33; Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 144. Л. 5, 7, 13-16; Жизнь Бурятии. № 4-6. С. 41-48.
17. ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 62. Л. 2; Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 19; Жизнь Бурятии. № 4-6. С. 41-48.
18. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 213. Л. 81; Д. 146. Л. 153; Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 62. Л. 7; Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 812. Л. 5; Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 21.
19. Составл. по: ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 213. Л. 77-79.
20. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 213. Л. 102; Д. 362. Л. 26; Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 144. Л. 5, 7, 13-16.
21. Составл. по: ГАИО. Ф. Р-565. Оп. 1. Д. 169. Л. 35.
22. ГАИО. Ф. Р-218. Оп. 1. Д. 317. Л. 96.
23. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1087. Л. 131; Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 10, 1; Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 22.